

Александр Перевязкин

Александр Перевязкин

КРУГ

«Автор»

2026

Перевязкин А. А.

КРУГ / А. А. Перевязкин — «Автор», 2026

Ты держишь в руках не книгу. Ты держишь ловушку. Коридор. Металлическая решётка под ногами. Пульсирующие стены. Бас, идущий из-под пола, синхронизируется с твоим сердцем. Немецкая фраза, которую ты не понимаешь, но чувствуешь каждым позвонком: «Ganz egal was ich mach». Ты будешь проходить круги. Терять кожу, зубы, пальцы. Встречать себя — гниющего, воскового, механического. Сливаться с собственными копиями. В одной из комнат ты найдёшь мать с экраном вместо лица. Она смотрит твои фотографии уже сто кругов. А когда дойдёшь до конца — книга замкнётся. Первая страница станет последней. Текст сдвинется. Появится число. 148. Сколько их было до тебя? Сколько будет после? Ты не выйдешь отсюда. Круг не отпускает. Ganz egal was du machst.

© Перевязкин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Круг 148	5
Круг первый: Вход	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Перевязкин

КРУГ

Пролог: Круг 148

Сердце.

Оно не бьется. Оно взрывается. Где-то в горле. Каждый удар — это выстрел из дробовика внутри грудной клетки. Я чувствую, как ребра вибрируют, как позвонки отзываются на каждый толчок, посылая волны в череп.

Темнота.

Абсолютная. Не та темнота, где глаза привыкают и начинаешь различать силуэты. Эта — плотная, как черный бархат, которым оббивают гробы. Она давит на глазные яблоки. Я моргаю — веки скользят по глазам, как мокрая бумага по стеклу.

Я пытаюсь вдохнуть.

Легкие — два мешка с мокрым песком. Воздух проходит со свистом, с хрипом, с бульканьем. В горле что-то плещется. Я сглатываю — соленое, теплое. Кровь. Моя собственная кровь течет обратно в желудок. Я чувствую, как она заполняет его, как он раздувается, как давит на диафрагму.

Запах.

Сначала ржавчина. Железо, старое, проржавевшее насквозь, когда краска давно облупилась, а металл превратился в красную труху, которая крошится под пальцами. Потом озон — резкий, химический, как после грозы, как возле высоковольтных проводов, когда воздух потрескивает и волосы встают дыбом. И только потом — оно. Сладковатое, тошнотворное, приторное. Плоть. Гниющая плоть. Она пахнет прокисшим мясом и старыми бинтами, которыми перевязывали раны, которые никогда не заживут.

Я подношу руку к лицу.

Не вижу её. Но чувствую. Кожа — мокрая бумага. Она сползает, съезжает, отслаивается лоскутами, когда я сжимаю пальцы. Под ней — не мясо. Что-то влажное, склизкое, теплое. Я провожу пальцами по лицу. Там, где должны быть глаза — провалы. Мокрые ямки. Я тру веки — ресницы остаются на пальцах, приклеиваются к влажной коже, как волосы на куске мыла.

Губы. Я пытаюсь их сомкнуть. Нижняя губа болтается на какой-то ниточке. Я трогаю её — кусок мяса, мягкий, как перезревший помидор, отделяется и падает куда-то вниз. Я слышу, как он шлёпается об пол. Тихо. Влажно.

Звук.

Сначала тишина. Такая плотная, что закладывает уши, что кажется — её можно жевать, можно резать ножом, и куски тишины будут падать на пол с глухим стуком. А потом — из-под пола, снизу, сквозь бетон — гул. Низкий, вибрирующий, как работа трансформатора на подстанции в час пик, когда город жрет электричество. Он нарастает. Входит в резонанс с грудной клеткой. Ребра начинают зудеть изнутри.

И в этом гуле прорезается ритм.

Бум. Бум. Бум.

Это не музыка. Это пульс здания. И он совпадает с моим сердцем. Идеально. Каждый удар сердца — и стены отзываются глухим ударом баса. Кто-то настроил меня, как инструмент.

Мысль.

Она приходит не из головы. Из стен. Из пола. Из темноты.

Ganz egal was ich mach.

Голос чужой. Механический. Автоматическое объявление в пригородной электричке, которое звучит уже пятьдесят лет, и никто его не меняет, потому что всем плевать.

Я не понимаю этих слов. Я только чувствую их вес. Они оседают в позвоночнике, как ртуть.

Я нашариваю рукой стену. Металл. Холодный, покрытый конденсатом. Конденсат не водянистый. Маслянистый. Теплый. Липнет к пальцам, как пот на спине спящего любовника, когда спишь с ним в одной постели в июльскую жару.

Дверь.

Ручка. Металлическая, круглая. Я сжимаю её — и чувствую, как кожа с ладони приклеивается к металлу. Я дёргаю руку — часть кожи остается на ручке, тонкая, прозрачная, как плёнка от вареного яйца. Я не чувствую боли. Только влажность. Только липкость.

Ручка поворачивается. Легко. С маслянистым скрипом.

Дверь открывается внутрь.

И ритм снизу становится громче.

Я делаю шаг.

Круг первый: Вход

Коридор.

Стены — ржавый гофрированный металл. Как в старых заводских цехах, где делали что-то секретное, а потом бросили, когда секрет перестал быть нужен. Они пульсируют. Медленно. В ритм баса. Я провожу по ним пальцами — металл теплый, живой, под ним чувствуется движение, как будто по ту сторону стен текут реки горячей крови, как будто само здание — это тело, огромное, больное, умирающее.

Пол — металлическая решетка. Под ней — темнота. И вспышки. Стробоскопы бьют снизу, выхватывают куски пространства в такт музыке. Каждый удар баса — вспышка. Я вижу свои ноги.

Их почти нет.

Ступни — два куска размозженного мяса. Кости торчат наружу, белые, влажные, с розовыми прожилками. Между пальцами что-то шевелится. Черви? Или просто кожа слезает клочьями, и эти клочья колышутся от воздуха, который идет снизу?

Я иду.

Каждый шаг — мокрый хлюпающий звук. Решетка вибрирует под ногами. Прутья врезаются в мясо, но я не чувствую боли. Только давление. Только вибрацию, которая поднимается по костям, через колени, через бедра, в позвоночник, в череп.

Вдоль стен — трубы. Толстые, как бедренная кость. Они пульсируют сильнее стен. Сквозь слой краски проступают вены. Синие, вздутые, как варикоз на ногах у старух, которые всю жизнь простояли у конвейера. Я трогаю одну — она горячая, под пальцами бьется пульс. Ритмичный. В такт басу.

Я прижимаю ухо.

Внутри — шум крови. И далекий, искаженный голос: «...*egal was ich mach...*»

Я отшатываюсь.

Дверь слева. На ней номер. Мой день рождения. Число, месяц, год. Написано моим почерком. Тем самым, каким я писал в третьем классе — корявые буквы, кружочки над «ё», нажим такой сильный, что ручка прорывала бумагу. Чернила расплылись, как будто бумагу мочили в слезах, как будто кто-то плакал над этой дверью, долго, безнадежно.

Я открываю дверь.

Комната.

Моя детская. Обои в кораблики. Письменный стол, на котором я делал уроки, пока мама гремела посудой на кухне. Кровать, на которой я спал, свернувшись калачиком, когда мне снились кошмары.

В углу сидит мальчик. Спиной ко мне.

Кожа у него серая. Отслаивается от спины большими кусками, висит лохмотьями. Сквозь прорехи видно ребра. Белые, чистые, без единого кусочка мяса, как в кабинете биологии, где стоял скелет.

Мальчик поворачивает голову.

Шея хрустит. Громко. Как сухая ветка, которую ломают через колено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.